

ТЕНЬ
ПРОШЛОГО

18+

Нина Кислицына

Тень прошлого

<https://litres.ru/74485799>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она была уверена: жених сестры — аферист. Одна фотография, один взгляд — и журналистка Люся начинает слежку, не подозревая, что этот человек умеет замечать хвост.

Марк видит её с первой минуты. И вместо того чтобы исчезнуть, предлагает игру, из которой Люся уже не может выйти. Она выходит за него замуж — и получает вместе с ним его прошлое: ночную погоню, гибель женщины, человека, который семь лет ждал расплаты.

«Тень прошлого» — история о любви, которая началась со слежки, о вине, которую нельзя искупить, но можно пережить, и о мальчике, который возвращает всем им право быть семьёй.

Нина Кислицына

Тень прошлого

Глава 1

Люся знала за собой один недостаток: когда она убеждала себя, что просто наблюдает, на самом деле она следила. В этот раз всё началось с фотографии. Сестра прислала снимок — счастливая Вера прижималась щекой к плечу мужчины, а он смотрел не в камеру, а куда-то в сторону, как будто уже прикидывал, сколько у Веры денег и когда их удобнее забрать. Люся увеличила фото, вгляделась в его лицо и вынесла вердикт за полторы секунды: аферист.

— Ты его даже не видела, — сказала Вера, когда Люся позвонила и с ходу выложила диагноз.

— Я видела достаточно. У него глаза человека, который не платит за парковку.

— Люся, он паркуется во дворе. Это бесплатно.

— Тем более. Значит, экономит на всём остальном.

Вера засмеялась, но Люся уже открыла ноутбук. Профессия журналиста давала ей две вещи: умение задавать неудобные вопросы и устойчивую уверенность, что все врут. Первое она применяла к другим, второе — к жениху сестры, которого звали Марк. Она записала имя в блокнот и обвела дважды, как делала с фигурантами. Через два дня она стояла за кофейным ларьком напротив его дома с картонным

стаканчиком, который давно остыл, и делала вид, что изучает график развоза молочной продукции на дверях магазина. Марк вышел из подъезда в четверть десятого. Люся отметила: не опаздывает, одет неброско, но дорого — рубашка, которую не покупают на распродаже, часы, которые не светятся в темноте, но стоят как её месячная аренда. Она сделала вид, что фотографирует объявление, а на деле сняла его в профиль. Он остановился. Медленно повернул голову и посмотрел прямо на неё. Люся уронила взгляд в телефон и сделала шаг в сторону, как человек, который внезапно вспомнил, что опаздывает. Сердце стукнуло так, что она услышала его в ушах. Он не пошёл за ней. Просто постоял секунду, усмехнулся — она увидела это краем глаза — и направился к машине.

В тот момент Люся впервые задумалась, что следить за человеком, который, возможно, умеет замечать слежку, было не лучшей её идеей. Но отступать она не умела. Так началась её личная операция «Разоблачение». Каждый день она находила предлог оказаться там, где был Марк: в кафе, где он пил эспрессо и читал новости, в спортзале, куда записалась с горя и где продержалась ровно два занятия, в супермаркете, где он покупал почему-то один грейпфрут и бутылку воды.

— Ты не находишь это странным? — спросила она Веру, небрежно развалившись на её диване.

— Что именно?

— Один грейпфрут. Кто покупает один грейпфрут? Это

нездоровое отношение к цитрусовым.

— Люся, — Вера посмотрела на неё поверх чашки, — ты что, за ним ходишь?

— Я собираю материал.

— О чём? О грейпфрутах?

— О человеке, за которого ты собралась замуж.

Вера вздохнула. Люся ждала, что сестра сейчас начнёт спорить, защищать Марка, доказывать, какой он замечательный. Вера отставила чашку и сказала спокойно:

— Слушай, если ты хочешь за него замуж — так и скажи. Я уступлю.

Люся подавилась воздухом.

— Что?!

— Ну, ты так на него смотришь. Я же видела твои записи. Ты даже его рост записала. С точностью до сантиметра.

— Это для дела!

— Конечно.

Вера улыбнулась той самой улыбкой, которую Люся терпеть не могла с детства: мягкой, всё понимающей, но ни во что не вникающей. Люся открыла рот, чтобы объяснить, что она расследует, а не влюбляется, но в этот момент в замке повернулся ключ. Марк вошёл, снял пиджак и повесил его на спинку стула. В прихожей сразу стало тесно от его присутствия — он был из тех мужчин, которые заполняют собой помещение, даже когда молчат.

— Здравствуйте, — сказал он, глядя на Люсю.

— Здравсьте, — ответила она и поправила волосы, хотя они лежали нормально.

Марк прошёл на кухню, открыл холодильник, достал воду. Люся смотрела, как он пьёт, запрокинув голову, как двигается кадык, и вдруг поняла, что забыла, зачем пришла. Что-то про афериста. Про разоблачение. Про то, что нельзя смотреть на мужчину, который собрался обобрать твою сестру.

— Вы, кажется, хотели о чём-то спросить, — сказал Марк, не оборачиваясь. — Или вы просто за мной наблюдаете?

Вера фыркнула в чашку.

— Я не наблюдаю, — сказала Люся голосом, который прозвучал выше, чем ей хотелось бы.

— Значит, показалось.

Он наконец повернулся. Взгляд у него был спокойный, тёмный, и в нём не было ни капли смущения — только лёгкая, едва заметная насмешка.

— А я ведь вас помню. Кофейный ларёк, вторник. Вы ещё делали вид, что читаете график развоза молока.

Люся почувствовала, как кровь прилила к щекам.

— Это был... репортаж о молочной продукции.

— Серьёзный материал, — кивнул Марк. — И спортзал, где вы занимались на беговой дорожке в джинсах. Тоже репортаж?

— О неправильной экипировке, — сказала Люся, понимая, что тонет.

— Что ж, — Марк поставил стакан на стол и улыбнулся

— медленно, уголком рта. — Тогда расскажете мне о своих выводах. Надеюсь, они лестные.

Он смотрел на неё, и Люся вдруг поняла, что в комнате стало слишком жарко, а она так и сидит с открытым ртом, как рыба, выброшенная на берег. Где-то на краю сознания зазвенел сигнал тревоги: «Он знает. Он всё знает». Но вместо того чтобы встать и уйти, Люся услышала собственный голос:

— Выводы неутешительные.

— О, — Марк шагнул ближе. — Это я люблю.

— Выводы неутешительные.

— О, — Марк шагнул ближе. — Это я люблю.

Вера кашлянула, поставила чашку в раковину и взяла с крючка сумку.

— У меня встреча. Через час вернусь. Вы тут пока не убейте друг друга.

Она чмокнула Люсю в щёку, сжала ей локоть с таким видом, будто передавала эстафету, и вышла. Дверь закрылась, и тишина в квартире стала звонкой. Люся осталась сидеть на краю дивана. Марк стоял в дверях кухни, скрестив руки на груди, и смотрел на неё сверху вниз. Он не улыбался — теперь нет. В его лице появилось что-то другое: спокойное, оценивающее, как у человека, который привык читать чужие движения на два шага вперёд.

— Так что вы накопили? — спросил он.

— Я не обязана вам отчитываться.

— Тогда зачем вы за мной ходите?

Люся встала. Ей нужно было встать, потому что сидеть, пока он нависает, было невыносимо — как признаваться в том, что она мелкая сошка против него. Теперь они оказались почти вровень. Почти.

— Потому что вы собрались жениться на моей сестре, а я не знаю, кто вы такой.

— А вы спрашивали у Веры?

— Вера влюблена. Влюблённым верить нельзя.

Марк хмыкнул.

— А вам, значит, верить можно.

— Мне — нет. Поэтому я и проверяю.

Он рассмеялся — коротко, неожиданно. Смех у него оказался ниже голоса, и от него у Люси по рукам прошёл холодок, хотя в квартире было тепло.

— Знаете, что я о вас понял, Люся? — он впервые назвал её по имени, и это имя в его рту прозвучало иначе, чем у всех. — Вы боитесь не того, что я аферист. Вы боитесь, что я тот, от кого невозможно уйти.

— Это бред.

— Ну, посмотрим.

Он подошёл к бару в углу гостиной, плеснул в стакан что-то янтарное, сделал глоток. Потом налил второй стакан и протянул ей.

— Не люблю, когда за мной хвост, — сказал он. — Но от вас мне почти не хотелось отворачиваться.

Люся не взяла стакан. Она смотрела на его руку — на длинные пальцы, на тёмные волоски у запястья, на то, как стекло запотело от его ладони. И вдруг осознала, что в горле пересохло, а сердце колотится не от злости.

— Вы меня не соблазните, — выпалила она.

Марк медленно опустил руку.

— А кто говорит о соблазнении? — он наклонил голову.

— Я всего лишь предложил выпить.

— Я знаю, как это работает.

— Правда? — он сделал шаг. — И как же?

— Сначала выпить. Потом разговор по душам. Потом «случайное» прикосновение. Потом — «ах, я не хотел».

— Интересно, — он сделал ещё шаг, и теперь между ними было расстояние вытянутой руки. — А что будет потом, по вашей схеме?

Люся открыла рот. Нужные слова разбежались. Потому что он стоял слишком близко, и пахло от него не коньяком, а чем-то тёплым — сандалом и кожей, и его глаза были совсем не такими насмешливыми, как минуту назад.

— Потом, — она всё-таки заставила себя говорить, — вы покажете своё истинное лицо.

— Может быть.

Он поднял руку и медленно, очень медленно заправил ей за ухо выбившуюся прядь. Кончик его пальца прошёлся по кромке уха, и Люся забыла, как дышать.

— А может, вы уже его видите, — сказал Марк тихо. —

Просто боитесь себе в этом признаться.

— Я вас ненавижу, — прошептала она.

— Знаю.

Он не убрал руку. Его ладонь легла ей на затылок, тёплая, тяжёлая, и Люся почувствовала, как пальцы сжали волосы у самых корней — не больно, но так, что по позвоночнику прокатилась волна.

— Это ничего не меняет, — сказал он. — Ненависть и это ходят рядом. Особенно у таких, как вы.

— У каких — таких?

— У тех, кто слишком долго всем доказывает, что им никто не нужен.

Она должна была оттолкнуть его. Влепить пощёчину. Уйти. Всё это пронеслось в голове за секунду — и растаяло, когда Марк наклонился и коснулся губами её виска. Не поцеловал — едва тронул, будто пробуя, можно ли.

— Скажите «уйди», — выдохнул он ей в кожу. — И я уйду.

Люся молчала. И это молчание было громче любого слова.

Тогда он поцеловал её. Сначала осторожно — так, что она могла ещё отстраниться. Но Люся не отстранилась. Она вцепилась пальцами в его рубашку, скомкала дорогую ткань, и он ответил сразу — глубже, жёстче, с тем самым напором, который она угадывала в нём с первой минуты. Его руки обхватили её за талию, прижали к себе, и Люся почувствовала, какой он крепкий под одеждой, какой горячий, как быстро

бьётся его сердце — или это её собственное.

Он оторвался от её губ, чтобы вдохнуть, и провёл языком по нижней губе, будто пробуя на вкус.

— Я же говорил, — прошептал он.

— Заткнись, — выдохнула Люся и сама потянулась к нему.

Дальше всё смешалось. Его руки уже были под её блузкой, ладони скользили по голой спине, по рёбрам, поднимались выше. Люся выгнулась ему навстречу, когда он провёл большими пальцами по её груди поверх кружева лифчика. Она слышала собственный стон — сдавленный, чужой, — и ей было всё равно.

Марк подхватил её под бёдра и усадил на край стола в гостиной. Её юбка задралась. Он встал между её ног, и она почувствовала его возбуждение сквозь брюки — твёрдое, упирающееся прямо туда, где уже всё горело.

— Вот так, — сказал он, растёгивая пуговицы её блузки одну за другой, не сводя с неё глаз. — Смотри на меня.

Люся смотрела. Блузка сползла с плеч. Он стянул лямки лифчика, обнажил её грудь и наклонился, взяв сосок в рот — горячий, влажный, с лёгким прикусом, от которого она дёрнулась и застонала в голос.

— Тише, — он поднял голову, улыбнулся одними губами. — Вера может вернуться.

— Тогда поторапливайся, — прошептала Люся, и сама не поверила, что это сказала.

Марк расстегнул её юбку, стянул с бёдер вместе с бельём одним движением. Люся откинулась назад, опираясь ладонями о стол, и смотрела, как он растёгивает ремень. Его член вырвался из трусов — налитый, тёмный от прилива крови. Она облизнула губы.

Он вошёл в неё резко, одним движением, и Люся вскрикнула — громче, чем следовало. Марк зажал ей рот ладонью, не переставая двигаться, и её крик превратился в глухой стон, вбирающийся в его кожу. Стол дрожал под ними. Где-то звякнула ваза, но им было всё равно. Она подавалась ему навстречу, царапала его спину через рубашку, обхватывала ногами, притягивая глубже. Он двигался сильно, размеренно, каждый толчок выбивал из неё воздух, и с каждым толчком из головы уходило всё — Вера, разоблачение, здравый смысл.

— Ещё, — прошептала она, когда он замедлился.

— Скажи, чего ты хочешь.

— Тебя. Ещё.

Он ускорился. Его пальцы сжались на её бёдрах так, что наверняка останутся следы. Люся почувствовала, как внутри всё сжимается, как волна поднимается от низа живота, растекается по телу, — и сорвалась, вскрикнув ему в плечо, содрогаясь всем телом.

Марк вышел из неё в последний момент, и его горячее семя брызнуло ей на живот. Несколько секунд он стоял, тяжело дыша, упираясь лбом в её плечо.

— Ну вот, — сказал он севшим голосом. — Теперь у тебя есть материал для разоблачения.

Люся рассмеялась — нервно, хрипло, всё ещё не веря в происходящее.

— Ты ненормальный, — сказала она.

— А ты всё ещё считаешь меня аферистом?

Она посмотрела на него — растрёпанного, с припухшими губами, с её помадой на воротнике — и впервые за вечер не нашлась с ответом.

— А ты всё ещё считаешь меня аферистом?

Она не нашлась с ответом, потому что думала сейчас не об аферисте, а о том, что у неё дрожат колени и что стол, на котором она сидит, — стол её сестры. Люся сползла на пол, натянула бельё, одёрнула юбку. Руки не слушались. Пуговицы блузки встали не в те петли, и она перестегнула их, ругаясь шёпотом. Марк стоял рядом, застёгивал ремень и смотрел на неё с тем же спокойным любопытством, с каким смотрел в первую встречу у ларька. Как на материал, который ещё предстоит изучить.

— Это ничего не значит, — сказала Люся, не поднимая глаз.

— Конечно.

— Это была ошибка.

— Разумеется.

— Не смей так со мной соглашаться!

Она наконец подняла голову. Марк улыбался — но не той

насмешливой улыбкой, а другой, почти тёплой, от которой Люсе стало ещё хуже.

— Ты злишься не на меня, — сказал он. — Ты злишься на себя. Потому что тебе понравилось.

— Я пошла.

Она схватила сумку, надела туфли, не попадая в них, и выскочила в прихожую. У двери обернулась.

— Если Вера узнает — я тебя убью.

— Сама ей скажешь, — бросил Марк. — У тебя на шее след.

Люся прижала ладонь к шее, глянула в зеркало и выругалась. У самой ключицы алело пятно — засос, оставленный будто специально, на самом видном месте. Она подняла воротник блузки, дёрнула дверь и вылетела на лестницу. На улице пахло осенью. Люся шла быстрым шагом, не разбирая дороги, и прокручивала в голове последние полчаса, как чужую запись с камеры наблюдения. Она, взрослая женщина, журналистка, переспала с женихом сестры на её же столе. И — хуже всего — ей было не стыдно. Ей было хорошо. До сих пор горело между ног, до сих пор пахло им — сандалом, кожей, его дыханием. Телефон завибрировал. Вера.

Люся ответила не сразу. Набрала в грудь воздуха, натянула на лицо самую обычную свою интонацию.

— Да?

— Ты ещё у меня? Марк как?

— Я ушла. Нормально.

— Что вы делали?

Люся споткнулась на ровном месте.

— Разговаривали.

— О чём?

— О грейпфрутах.

Вера помолчала.

— Ладно, — сказала она наконец. — Вечером созвонимся. Ты какая-то запыхавшаяся. Бегала?

— Да. За автобусом.

— Люся, ты никогда не бегаешь за автобусами.

— Значит, начала.

Она сбросила вызов и постояла посреди улицы, прижав холодный телефон ко лбу. Всё. Теперь она не просто следила за женихом сестры. Теперь она с ним спала. И врёт сестре. И, что самое страшное, хочет ещё. Следующие три дня Люся честно держалась. Не ездила к его дому, не заходила в то кафе, не открывала фото, сделанные украдкой. Вместо этого она завалила себя работой: взяла внеплановый материал про обманутых вкладчиков, дописала статью, которую тянула месяц, даже разобрала почту. Не помогло. Марк снился ей. Во сне он снова стоял у неё за спиной, касался губами виска, спрашивал: «Скажи „уйди“ — и я уйду». И она, как и тогда, молчала. На четвёртый день она сдалась. Сказала себе, что просто проезжала мимо. Просто зашла выпить кофе. Просто так совпало, что у кофейни напротив его дома лучший в городе капучино. Он появился через десять минут.

Вышел из подъезда, огляделся — и посмотрел прямо на неё, как будто знал, где она будет стоять. Люся сделала вид, что поглощена стаканчиком.

— Молоко опять развозят по графику? — спросил Марк, подойдя вплотную.

— У них скидка на капучино.

— Скидка на капучино у кофейни напротив моего дома. Удобно.

— Совпадение.

— Конечно, — он взял у неё стаканчик, отхлебнул, поморщился. — Остыл.

— Ты специально.

— Что — специально?

— Знаешь, когда я прихожу. Стоишь, наверное, у окна, высматриваешь.

Марк вернул ей кофе и сунул руки в карманы.

— Я не высматриваю, Люся. Просто от тебя за версту пахнет.

— Чем? — она опешила.

— Враньём. Очень ароматное. С примесью моего одеколona на воротнике — кстати, ты его не отстирала.

Люся почувствовала, как загораются уши. Она действительно спала в его рубашке. Той самой, что стянула тогда, впопыхах, вместо своей блузки, и вернула через день с курьером, как будто это могло что-то исправить.

— Верни её, — сказал Марк.

— Я вернула.

— Не рубашку. Я про то, что ты у меня забрала тогда.

— Я у тебя ничего не брала.

— Взяла. — Он шагнул ближе и понизил голос, так что его слышала только она. — Ты ушла, а меня как будто выключили. Хожу с тех пор и не знаю, куда себя деть.

Люся подняла на него глаза. Он не шутил. Впервые за всё время в его лице не было ни насмешки, ни игры — только что-то растерянное, тёмное, очень неудобное для них обоих.

— Это плохо, — сказала она.

— Очень.

— Я — сестра Веры.

— Я знаю.

— Мы не можем.

— Знаю.

Он стоял так близко, что она видела тень щетины на его подбородке, и где-то внутри неё снова натянулась та самая струна.

— Я не могу врать ей дальше, — сказала Люся.

— Тогда не ври.

— И что сказать? «Вера, я переспала с твоим женихом на твоём столе»?

— Можно короче. «Вера, я не могу без твоего жениха».

Люся зажмурилась. Слова ударили точнее, чем хотелось бы.

— Ты аферист, — прошептала она. — И сейчас ты просто

делаешь со мной то же, что делал с ней.

Марк взял её за подбородок, заставил поднять лицо.

— А если я скажу, что с ней всё было не так, как ты думаешь?

— Что это значит?

Он отпустил её и отступил на шаг.

— Приходи вечером. Вера уезжает к маме до понедельника. Я расскажу всё. Всё, что ты хотела накопать, — про аферу, про деньги, про то, кто я такой.

— И с чего мне тебе верить?

— А с чего ты до сих пор не сдала меня сестре? — он улынулся уголком рта. — Потому что хочешь прийти.

Глава 2

Люся хотела ответить что-нибудь острое. Но Марк уже развернулся и пошёл к подъезду, а она так и стояла с остывшим кофе, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле. Она пришла. Сказала себе, что идёт за правдой. Что журналист не упускает интервью, где фигурант сам предлагает дать показания. Что между ними ничего не будет, потому что у неё есть принципы и остатки совести. Всё это Люся повторяла, поднимаясь по лестнице, и перестала повторять ровно в тот момент, когда Марк открыл дверь.

Он был дома один. В квартире пахло кофе и чем-то печёным, на столе горела одна - единственная свеча, и Люся сразу поняла, что это ловушка. Уютная, наглая, заранее продум-

манная ловушка.

— Ты сказал — расскажешь всё, — начала она с порога, не снимая куртку.

— Расскажу. Проходи.

— Я лучше тут постою.

— Ты боишься сесть?

— Я не боюсь.

Она села. На край стула, выпрямив спину, как на допросе. Марк сел напротив, откинулся, и пламя свечи легло на его лицо, выхватив из темноты скулы и тёмные глаза.

— Начинай, — велела Люся.

— Что именно тебя интересует?

— Всё. Кто ты. Зачем тебе Вера. Где ты взял деньги на эту квартиру, если официально нигде не работаешь.

Марк усмехнулся.

— Хорошо копаешь.

— Я профессионал.

— Вижу. — Он взял со стола бокал, покрутил. — Я не аферист в том смысле, в каком ты это себе нарисовала. Я человек, который зарабатывает на чужих надеждах.

— Это и есть определение афериста.

— Не перебивай. Я помогаю людям, у которых нет времени, связей или мозгов, получить то, что они хотят. Квартиру. Долю в бизнесе. Развод на выгодных условиях. Иногда — убрать конкурента, но это отдельный тариф.

Люся подалась вперёд.

— Ты говоришь о том, что решаешь вопросы. Вне закона.

— На грани. Я не ворую у старушек, если ты об этом. Я нахожу, как сделать так, чтобы всё выглядело чисто. У меня талант убеждать людей, что они сами этого хотели.

— И с Верой то же самое? Ты убеждаешь её, что она хочет за тебя замуж?

Вот тут Марк впервые отвёл взгляд. Поставил бокал, провёл ладонью по лицу.

— С Верой всё сложнее.

— Попробуй объяснить.

— Вера не любит меня. И я не люблю её. Мы заключили... договорённость.

Люся замерла.

— Какую?

— Ей нужен жених. Родители достали — «когда замуж, пора внуков». Её бывший женился, она не хотела выглядеть брошенной. А мне нужна была репутация человека, который остепенился. Для дел. Женатый решает вопросы дороже, чем холостой.

— То есть это спектакль.

— Да. Помолвка — часть образа. Я плачу за квартиру, она играет счастливую невесту. Через полгода мы бы красиво расстались, она — вся в слезах, я — благородно исчезаю.

Люся встала. Прошлась по комнате, сжимая и разжимая кулаки.

— И ты не подумал, что сестре об этом стоит знать?

— Это была её идея, Люся. Верина. Она сама предложила. Люся остановилась. Вот это был удар.

— Врёшь.

— Спроси у неё. Спроси прямо сейчас, — Марк кивнул на её сумку. — Она у мамы, не спит, наверняка смотрит сериал. Позвони.

Люся не позвонила. Она стояла посреди гостиной и перемалывала. Вера, её правильная, домашняя сестра, сама наняла себе фальшивого жениха. А она, Люся, неделями следила за человеком, который оказался не жуликом, обирающим сестру, а нанятым актёром. Ну, почти актёром.

— Зачем ты мне это рассказал? — тихо спросила она.

— Потому что устал играть. Потому что с тобой всё по-другому.

— У тебя «с тобой всё по-другому» — наверняка отработанная реплика.

Марк встал и подошёл к ней. Медленно, как тогда у бара.

— У меня таких реплик не было. Ни для кого. Я вообще не говорю лишнего — мне это невыгодно.

— А сейчас выгодно?

— Сейчас мне просто нужно, чтобы ты смотрела на меня не как на подозреваемого.

Люся подняла голову. Он стоял совсем близко, и его глаза в полумраке казались чёрными.

— А как я на тебя смотрю?

— Как на человека, которого боишься захотеть.

Она шумно выдохнула. Всё это — свеча, его голос, признание — было слишком похоже на сцену из плохого романа, но где-то под рёбрами уже снова тлело то самое, от чего она не могла уснуть четыре ночи.

— Ты манипулятор, — сказала Люся.

— Да.

— И ты сейчас мной манипулируешь.

— Пытаюсь. Получается?

Вместо ответа Люся схватила его за ворот и поцеловала. Жёстко, зло, будто хотела выбить из него всю эту его уверенность. Марк ответил сразу — прижал её к себе, подхватил под ягодицы, и она обхватила его ногами. Он понёс её из гостиной, не отрываясь от её губ, и они врезались в косяк, и она засмеялась ему в рот, а он выругался и всё равно не остановился. В спальне было темно. Марк уронил её на кровать, стащил с неё куртку, свитер — всё полетело на пол. Люся рванула его рубашку так, что пуговицы брызнули в стороны. Ей было плевать. Ей сейчас вообще было плевать на всё, кроме его кожи, его рук, его рта. Он целовал её шею, ключицы, спускался ниже, и каждый поцелуй оставлял горячий след. Когда его губы сомкнулись на её соске, Люся выгнулась и застонала, вцепившись пальцами в его волосы.

— Я хочу, чтобы ты больше никогда не следила за мной из-за ларька, — прошептал он ей в живот.

— Тогда перестань быть таким подозрительным.

— Я не подозрительный. Я влюблённый.

Она замерла под ним. Сердце пропустило удар.

— Не смей так шутить, — выдохнула она.

— А я не шучу.

Он раздвинул её колени, и Люся забыла, что хотела ответить. Его

губы нашли её, и она вскрикнула — от неожиданности, от жара, от того, как точно он знал, что делать. Он целовал её там, не спеша, умело, и Люся вцепилась в простыни, и мир сузился до этой тёмной комнаты и его языка.

— Марк... — простонала она.

— Да, — выдохнул он, не отрываясь.

Она кончила на его губах, содрогаясь, и он держал её за бёдра, не давая вывернуться. Потом поднялся, стянул брюки, и Люся потянулась к нему, сама обхватила ладонью его член — горячий, твёрдый, влажный на кончике, — и услышала, как у него перехватило дыхание.

— Войди в меня, — прошептала она. — Пожалуйста.

Он вошёл медленно, до конца, и они оба замерли на мгновение, привыкая друг к другу. Потом он начал двигаться — глубоко, размеренно, — и Люся обхватила его ногами, притягивая к себе с каждым толчком. Она смотрела в его лицо — в эти тёмные, шальные глаза, — и впервые не хотела отворачиваться. Она смотрела в его лицо — в эти тёмные, шальные глаза, — и впервые не хотела отворачиваться.

Марк наклонился и поцеловал её — медленно, глубоко, в такт движениям. Его рука легла ей на горло, не сжимая,

просто накрывая, и от этого простого жеста Люсе стало ещё жарче. Она поймала его запястье, прижала сильнее.

— Тебе нравится? — выдохнул он.

— Да. Не останавливайся.

Он ускорился. Кровать скрипела, изголовье билось о стену, но Люсе было всё равно, пусть слышит весь дом, пусть весь мир знает, что она здесь, с ним, под ним. Она впивалась ногтями в его спину, ловила губами его дыхание, и каждый толчок отзывался в ней волной, поднимающейся всё выше.

— Посмотри на меня, — сказал Марк.

Она открыла глаза. Он был так близко, что она видела, как расширены его зрачки, как блестят губы, как вздулась вена на шее. Он смотрел на неё, не отрываясь, и в этом взгляде не было ни игры, ни расчёта — только она.

— Я хочу, чтобы ты кончила со мной, — прошептал он.
— Вместе.

Люся кивнула, не в силах говорить. Он подхватил её под ягодицы, меняя угол, и вошёл ещё глубже. Она вскрикнула. Мир поплыл, рассыпался на горячие осколки — его запах, его голос, его руки на её бёдрах, его член, заполняющий её до предела.

— Сейчас, — выдохнула она. — Марк, сейчас...

— Давай. Со мной.

Она сорвалась. Тело выгнулось дугой, и Люся закричала — беззвучно, сжав губы, потому что крик уже не помещался внутри. Её сжимало волна за волной, и она почувствова-

ла, как Марк вздрогнул над ней, как он толкнулся в последний раз и излился глубоко в неё, с глухим стоном ей в шею. Несколько минут они лежали, не разнимая рук. Его сердце колотилось о её грудь, её пальцы гладили его влажную спину. В комнате пахло ими — потом, кожей, свечой, которая догорела и погасла.

— Я всё ещё аферист? — спросил Марк, не поднимая головы.

— Хуже, — сказала Люся, глядя в потолок. — Ты проблема.

— Проблема, от которой ты не захочешь избавиться.

Она ничего не ответила. Потому что он был прав, и это было самое ужасное. Утром Люся проснулась первой. За окном серело, Марк спал рядом, раскинувшись, и на его плече атели следы её ногтей. Люся смотрела на него и чувствовала, как в груди тесно от нежности и ужаса одновременно. Ей хотелось остаться. Ей хотелось сбежать. Она выбрала среднее — тихо встала, собрала с пола одежду и ушла, оставив на подушке записку.

«Скажи Вере сам. Или скажу я».

Через час позвонила Вера.

— Ну что, — спросила она бодрым утренним голосом, — ты уже нашла на него компромат?

— Хуже, — сказала Люся. — Я влюбилась.

В трубке повисла пауза. Потом Вера вздохнула — не зло, не обиженно, а как-то облегчённо.

— Ну наконец-то. А то я уже боялась, что ты так и будешь ходить за ним с блокнотом до свадьбы.

— Вера, — Люся зажмурилась. — Ты меня сейчас вообще слушаешь? Я спала с твоим женихом.

— Люся, — Вера заговорила медленно, как с ребёнком, — он мне не жених. Он мне оболочка для родителей. Ты же сама всё поняла, нет?

— Он рассказал.

— Вот и отлично. Значит, спектакль окончен. Забирай его себе.

— Ты вообще нормальная?!

— Я практичная. Он тебе подходит больше, чем мне. Вы оба сдвинутые.

Люся села на подоконник, прижав телефон к уху, и расхохоталась — нервно, громко, не в силах остановиться. Всё, что она строила неделями, рухнуло в один разговор. Сестра не была жертвой. Аферист не был аферистом в том смысле, в каком она его рисовала. И она, Люся, не была той, кто всё контролирует.

— И что теперь? — спросила она.

— Теперь живи, — сказала Вера. — И постарайся не разнести его окончательно.

Люся отключилась и долго сидела, глядя на серый город за окном. В груди было странно, свободно и страшно одновременно. Она влюбилась. В человека, за которым следила, которого хотела разоблачить, который оказался совсем не тем,

чем казался. И который, судя по всему, влюбился в неё. В дверь позвонили.

Люся не ждала никого. Она подошла, глянула в глазок и замерла.

За дверью стоял Марк. С её запиской в руке.

Люся открыла не сразу. Сначала она отступила на шаг, одёрнула футболку, в которой спала и которая теперь казалась ей слишком короткой, и пригладила волосы. Потом поймала себя на этом, выругалась и открыла дверь, как была. Марк стоял на пороге, и вид у него был такой, будто он не спал всю ночь. Воротник рубашки торчал из-под куртки небрежно, в руке он мямлил её записку.

— Ты ушла, — сказал он вместо приветствия.

— Да.

— Не разбудив.

— Да.

— И оставила вот это. — Он поднял записку. — «Скажи Вере сам. Или скажу я». Это похоже на ультиматум.

— Потому что это ультиматум.

Марк переступил порог, закрыл за собой дверь и прижал Люсю к стене прихожей. Не грубо — но так, что вывернуться она уже не могла.

— Я не люблю, когда от меня сбегает по утрам, — сказал он тихо.

— А я не люблю просыпаться в чужой постели с ощущением, что я украла чужого жениха.

— Он не чужой. Он твой.

— С этого места поподробнее.

Он отпустил её, прошёл на кухню, открыл кран, налил воды, как у себя дома. Люся смотрела на него и понимала, что злиться не получается. Получается только смотреть.

— Я уже сказал Вере, — бросил Марк, не оборачиваясь.

— Вчера ночью, пока ты спала.

Люся замерла.

— И что она?

— Сказала: «Наконец-то, а то у Люси уже крыша едет с твоими грейпфрутами». И пожелала нам счастья.

— Она ненормальная.

— Она твоя сестра.

Люся прошла на кухню и села на табурет, поджав ноги. В голове не укладывалось. Ещё неделю назад она ненавидела этого человека, следила за ним, вела досье. А теперь он стоит на её кухне, пьёт её воду и сообщает, что её сестра благословила их союз.

— Значит, всё чисто? — спросила она. — Просто так? Никакой драмы, никакой измены, никакого позора?

— Ну, один позор всё-таки был. — Марк повернулся, улыбнулся уголком рта. — На столе твоей сестры. Я теперь не могу смотреть на этот стол, Люся. Он меня преследует.

— Это ты меня на него усадил.

— Ты не сопротивлялась.

Она швырнула в него полотенцем. Он поймал на лету и

рассмеялся — тем самым низким смехом, от которого у неё внутри всё переворачивалось.

— Что теперь? — спросила Люся.

— Теперь всё по-настоящему. Без договорённостей, без спектакля. Ты и я.

— А твои дела? Та, что «на грани»?

Марк сел напротив, и лицо у него стало серьёзным.

— Я сворачиваю. Постепенно. Это не делается за день, но я больше не хочу быть тем, кто решает чужие вопросы.

— Кем же ты хочешь быть?

— Человеком, который просыпается с тобой.

Люся почувствовала, как к глазам подступает что-то горячее, и сердито моргнула. Плакать она не собиралась. Не перед ним.

— Ты понимаешь, что я тебе не верю? — спросила она. — Ты слишком хорошо говоришь. Слишком вовремя. Слишком красиво. Я таких, как ты, в редакции пачками видела.

— Понимаю. Поэтому не буду уговаривать. — Он встал, взял куртку. — Я буду рядом. Не тенью, — добавил он, усмехнувшись, — тень ты из меня уже сделала. Просто рядом. А ты решай.

Он пошёл к двери. У самого выхода остановился.

— И ещё. Если захочешь проверить меня снова — приходи сама. Не из-за ларька. А просто так.

Дверь закрылась. Люся осталась сидеть на табурете, глядя на пустую кружку, которую он поставил в раковину. В квар-

тире ещё пахло им.

Она просидела так до обеда. Потом встала, налила себе кофе и села за ноутбук. Открыла статью, уставилась в экран, не видя ни строчки. Потом набрала Вере.

— Он только что ушёл, — сказала Люся.

— Ну и?

— Мне страшно, Вера. По-настоящему страшно. С ним я не понимаю, где заканчиваюсь я и начинается он.

— Люся, — Вера вздохнула, — ты всю жизнь выбирала тех, с кем всё понятно. И чем это кончалось?

— Не начинай.

— А я начну. Твой бывший был понятным, как расписание электричек. Ходил за тобой, растворялся в тебе, дышал тобой. Ты сама его за это бросила. А теперь тебе страшно, потому что с Марком всё не так — и это как раз то, что тебе нужно.

Люся помолчала.

— Откуда ты такая умная?

— Из одного детства с тобой. — Вера хихикнула. — Так что хватит ныть. Иди и бери своё счастье, пока он не передумал.

Глава 3

Люся отключилась. Вера, как всегда, была права — и это бесило больше всего. Следующие дни стали самыми странными в её жизни. Марк не пропадал и не навязывался. Он

просто был. Присылал сообщения — короткие, без смайликов, но такие, от которых Люся улыбалась в экран. «Пил кофе у твоего ларька. Без тебя невкусно». «Купил грейпфрут. Стою и не знаю, зачем». «Ты когда-нибудь спишь? В три ночи у тебя горел свет». Она отвечала сдержанно, но телефон теперь всегда лежал рядом, и она ловила себя на том, что ждёт его сообщений. На работе ловила. В маршрутке. В душе, когда экран светился сквозь запотевшее стекло. На пятый день он появился у редакции без предупреждения. Стоял, прислонившись к машине, скрестив руки, и ждал. Коллеги, выходившие с Люсей, переглядывались.

— Это к тебе? — шепнула Ася, соседка по кабинету.

— Ко мне. Наверное.

— Люся, если он ко мне — скажи прямо. Я морально готова.

— Он ко мне, Ася. Иди.

Люся подошла к Марку, чувствуя на себе взгляды всей редакции.

— Ты зачем приехал?

— Соскучился.

— Мы виделись вчера.

— Вчера было вчера. — Он открыл дверцу машины. — Садись.

— Куда?

— Не знаю. Куда захочешь. Просто хочу тебя украсть на пару часов.

Люся оглянулась. Ася у окна показывала ей большой палец. Люся села в машину. Они ехали по вечернему городу, и Марк держал её руку на рычаге передач, переплетя пальцы. В салоне играло что-то старое, джазовое, и Люся смотрела на его профиль, на то, как закатный свет ложится на скулы, и думала, что, кажется, всё-таки сходит с ума.

— Куда мы? — спросила она.

— Увидишь.

Он привёз её на смотровую за городом. Остановил машину, заглушил мотор. Внизу горел город — россыпь огней до самого горизонта.

— Красиво, — сказала Люся.

— Я хотел, чтобы ты увидела это со мной. — Марк повернулся к ней. — Не в кафе, не у ларька, не на столе твоей сестры. Просто — ты и я, и город.

Она рассмеялась.

— Ты невозможен.

— Знаю.

Он наклонился и поцеловал её — неспешно, бережно, совсем не так, как раньше. И в этом поцелуе Люся впервые почувствовала не страсть, не игру, не расчёт. А что-то тёплое, терпеливое, похожее на начало.

Она не помнила, сколько они так просидели. В салоне остывало, джаз сменился какой-то тихой гитарой, и Люся поймала себя на том, что не хочет, чтобы эта ночь заканчивалась. Марк курил, опустив стекло, и дым уходил в темноту

тонкой струйкой.

— Расскажи про неё, — попросила Люся.

— Про кого?

— Про свою жизнь. Про то, кем ты был до Веры. До меня.

Марк помолчал, глядя на огни внизу.

— Я вырос там, где всё решают не закон, а нужные слова.

Мать тянула нас с братом одна. Я рано понял, что умею говорить так, что люди соглашаются. Сначала это было «помоги донести», потом — «дай денег в долг», потом — «подпиши, не читая».

— И тебя это не пугало?

— Пугало. Поэтому я и ушёл в то, чем занимаюсь сейчас.

Там хотя бы понятны правила: я делаю людям то, что они сами не могут сделать, и беру за это цену. Никто не в обиде. По крайней мере, почти никто.

Люся смотрела на него. Впервые за всё время он говорил о себе так — без ухмылки, без паузы, рассчитанной на эффект.

— А что с братом?

— Спился. — Марк затаился, выпустил дым. — Я не смог его вытащить. Поэтому теперь, когда вижу кого-то, кто заходит на край, — мне нужно вмешаться. Иногда из-за этого получаются плохие истории.

— Ты про меня?

— Про тебя в том числе. — Он повернулся. — Ты заходила на мой край с блокнотом, Люся. Ходила по границе и даже не понимала, во что влезла.

— А во что я влезла?

— В меня.

Она не нашлась, что ответить. Марк затушил сигарету, взял её за руку и поцеловал запястье — туда, где бился пульс.

— Поехали, — сказал он. — Тебе завтра на работу.

— Уже сегодня, — поправила Люся. — Но поехали.

Домой она вернулась под утро, счастливая и вымотанная, и впервые за долгое время не стала прокручивать в голове разговор, раскладывая его по полочкам «правда — ложь». Просто уснула, прижав к себе телефон.

Дальше всё покатилося быстро. Слишком быстро.

Марк знакомил её со своей жизнью — осторожно, дозированно. Люся ездила с ним на встречи, сидела в машине, пока он решал чьи то дела, и ловила себя на том, что ей это не нравится. Не его работа. А то, что он до сих пор в ней.

— Я же сказал, что сворачиваю, — повторял он.

— А по-моему, ты просто аккуратнее прячешься.

— Люся.

— Что «Люся»? Я вижу людей, с которыми ты встречаешься. Один из них вчера передал тебе конверт. Что в конверте, Марк?

— Документы. Не деньги.

— А разница?

Он не отвечал. И это молчание она записывала себе в минус. Так прошёл месяц. Они ссорились и мирились, ссорились и мирились, и в этих качелях Люся узнавала себя —

ту, прежнюю, которая не умеет просто быть счастливой и всё время ищет подвох. Марк был терпелив. Иногда ей казалось, что слишком терпелив. Как человек, который умеет ждать. А потом появился Кирилл. Это случилось в четверг, у входа в редакцию. Люся вышла после планёрки, на ходу разбирая сообщения, и сначала не поняла, почему сердце вдруг ухнуло вниз. Потом подняла глаза. Он стоял у её подъезда. Похудевший, с другой стрижкой, но всё тот же — Кирилл. Её бывший. Тот самый, которого она когда-то бросила, потому что он был её тенью.

— Привет, Люся, — сказал он.

Люся замерла, сжимая телефон.

— Кирилл?

— Я вернулся.

Она смотрела на него и чувствовала, как внутри одновременно обрывается и закипает всё разом. Пять лет. Он исчез пять лет назад, без объяснений, без письма, без единого слова. А теперь стоит и улыбается, как будто вышел за хлебом.

— Зачем? — спросила она.

— Поговорить. О тебе. О нас.

— У нас ничего нет, Кирилл. Уже давно.

— Есть, — он сделал шаг к ней. — И ты это знаешь. Я уехал, чтобы не мешать тебе. Но я всё это время думал о тебе. И я знаю, во что ты вляпалась.

Люся выпрямилась.

— И во что же?

Кирилл подошёл ближе, понизил голос.

— В Марка. Того самого. Ты хоть знаешь, кто он на самом деле?

У Люси внутри всё сжалось.

— Ты его знаешь?

— Я о нём много чего знаю. И поверь, тебе стоит меня выслушать.

Он стоял напротив неё, и в его глазах было то самое, знакомое до тошноты выражение — преданность, смешанная с упрёком. Тень, вернувшаяся из прошлого.

Люся глубоко вдохнула.

— Хорошо, — сказала она. — Пойдём. Выслушаю. Но это ничего не изменит.

Кирилл улыбнулся — мягко, как умел только он.

— Это мы ещё посмотрим.

Они зашли в первое попавшееся кафе. Люся села у окна, положила сумку на соседний стул, чтобы Кирилл не вздумал сесть слишком близко, и заказала чёрный кофе, хотя пить его не собиралась. Кирилл заказал чай. Взял чашку двумя ладонями, подул, и этот жест — знакомый, домашний — отозвался в Люсе глухо, как боль в старом шраме.

— Говори, — сказала она. — Что ты знаешь про Марка?

— Не про Марка. Про человека, который называет себя Марком.

— Красиво начал.

— Я серьёзно, Люся. — Кирилл подался вперёд. — Ты

же журналистка. Ты сама всё это умеешь. Проверь, кто он. Настоящего Марка с такими документами не существует. То, что ты о нём знаешь, — декорация. Он лепит людей под себя. Твоя сестра была не первой.

Люся усмехнулась.

— Вера не была жертвой, Кирилл. У них был договор. Я знаю.

— Договор? — Кирилл покачал головой. — Тебе он так сказал. А ты проверила? Или просто поверила, потому что удобно верить?

Это задело. Люся отставила чашку.

— Я не из тех, кто верит на слово. Я следила за ним неделями. Я видела его дела.

— Ты видела то, что он хотел тебе показать. — Кирилл достал телефон, повернул экраном к ней. — Вот. Узнаёшь?

На экране была фотография. Марк — в дорогом ресторане, с женщиной, которую Люся не знала. Они сидели близко, и Марк держал её за руку, и смотрел на неё так, как смотрел на Люсю на смотровой.

— Когда это? — спросила Люся, чувствуя, как деревенеют губы.

— Полторы недели назад.

— Откуда у тебя это?

— Я следил за ним. Так же, как ты когда-то. — Кирилл убрал телефон. — Я вернулся не просто так, Люся. Я узнал, что ты связалась с ним, и не мог сидеть сложа руки. Я должен

был тебя предупредить.

Люся молчала. Внутри всё рушилось и одновременно сопротивлялось. Слишком удобно. Слишком вовремя. Бывший, который исчез на пять лет, возвращается с компроматом на её нового мужчину. Это было похоже на сценарий, который Марк сам бы и написал.

— Зачем тебе это? — спросила она тихо.

— Потому что я тебя люблю. И всегда любил. Я уехал, потому что ты сказала, что я тебя душил. Что я был тенью. — Он смотрел на неё, не мигая. — Я уехал, чтобы стать кем-то. Чтобы вернуться и показать тебе, что я изменился.

— Пять лет, Кирилл. Пять лет ни звонка.

— Я боялся. Боялся, что если услышу твой голос, сорвусь и вернусь. А ты была бы не готова.

Люся потёрла виски. Голова начинала гудеть.

— Это красивые слова. Но ты понимаешь, как это выглядит со стороны? Ты появляешься в тот момент, когда у меня всё хорошо, и начинаешь топить человека, которого я люблю.

— Ты его не любишь. — Кирилл накрыл её руку своей. — Ты попала в его ловушку. Он специалист. Он почувствовал, что ты его раскусила, и сделал так, чтобы ты влюбилась. Это его метод.

— Ты сам это выдумал?

— Я проверял. Я знаю людей, которые с ним работали. Он втирается в доверие, а потом забирает всё. У Веры он хотел

деньги её родителей. У тебя — не знаю что, но наверняка что-то есть.

Люся выдернула руку.

— У меня ничего нет, Кирилл. Я журналистка с ипотекой и старой машиной. Если он со мной ради наживы, то он очень плохой аферист.

— Значит, дело не в деньгах. — Кирилл прищурился. — Что-то другое. Связи? Доступ к информации? Твоя работа?

Люся встала.

— Я не буду это слушать. Ты пришёл с одной фотографией и кучей теорий. Принеси факты, тогда поговорим.

— Принесу, — спокойно сказал Кирилл. — Я уже собираю. И когда ты их увидишь, ты поймёшь, что я единственный, кто тебя по-настоящему любит.

Люся развернулась и вышла, не оборачиваясь. На улице её трясло. Не от холода — от злости. На кого? Она не знала. На Кирилла, который вернулся и всё перевернул. На Марка, который, возможно, опять играл. На себя — потому что первым её порывом было позвонить Марку и спросить, кто эта женщина на фото.

Она не позвонила. Вместо этого пришла домой, села за ноутбук и начала искать. По-настоящему, как журналист, а не как влюблённая дура. Через час руки у неё дрожали.

Марка с таким именем и такой биографией в открытых базах не было. Совсем. Фотография, которую он когда-то показывал Вере, вела на удалённую страницу. Номер машины, на

которой он её возил, был зарегистрирован на несуществующую фирму. Всё, что она о нём знала, рассыпалось, как картонный домик.

Люся откинулась на спинку стула и уставилась в потолок.

Он аферист. Настоящий. Не «человек на грани», а самый обычный лжец, который придумал себе имя, жизнь, прошлое. И она, журналистка с двенадцатилетним стажем, купилась. В дверь позвонили. Люся вздрогнула, глянула на часы. Поздно. Слишком поздно для гостей. Она подошла к двери, посмотрела в глазок. На пороге стоял Марк. Она не открыла сразу. Стояла в тёмной прихожей, прижавшись лбом к двери, и слушала, как за ней дышит — нет, не дышит, просто стоит, ждёт. Марк не звонил во второй раз. Он вообще не любил настаивать. И от этого было ещё хуже: он знал, что она дома, знал, что смотрит в глазок, и просто ждал. Люся открыла.

— Поздно, — сказала она, не отступая с порога.

— Знаю.

— Что ты здесь делаешь?

Марк посмотрел на неё. Что-то в её лице заставило его насторожиться — она увидела, как сузились его глаза.

— Ты какая-то бледная. Что случилось?

— А что могло случиться? — Люся усмехнулась. — Ко мне вернулся бывший. Рассказал, что ты меня используешь. Показал фото, где ты держишь за руку другую женщину. А потом я села и проверила. И знаешь, что выяснила?

Марк молчал.

— Тебя не существует, Марк. Нет такого человека. Ни в базах, ни в реестрах, нигде. Машина твоя зарегистрирована на мёртвую фирму. Фотография — на удалённую страницу. Ты — пустое место, которое я впустила в свою жизнь.

Он не стал оправдываться. Не стал говорить «это не то, что ты думаешь». Просто стоял и смотрел, и в его глазах было то самое выражение, которое Люся теперь ненавидела, — спокойное, терпеливое, как у человека, который снова просчитал её на два шага вперёд.

— Можно я войду? — спросил он.

— Нет.

— Тогда говори здесь.

— Мне нечего говорить. Ты врёшь. Всё, что было, — ложь.

— Не всё.

— Да? И что из этого правда? То, что ты спал со мной? Или то, что называл себя человеком, которого нет?

Марк провёл ладонью по лицу.

— Человек есть, Люся. Просто его зовут не Марк.

У Люси внутри всё оборвалось.

— Что?

— Меня зовут не Марк. И не так, как написано в документах, которые ты нашла. Я поменял имя пять лет назад. Не из-за тебя. Из-за людей, от которых уходил.

— Каких людей?

— Тех, с кем я работал. Тех, кому я должен был. — Он прислонился плечом к дверному косяку, как человек, который очень устал. — Ты была права с самого начала, Люся. Я аферист. Настоящий. Я врал про то, что «решаю вопросы на грани». Я врал про то, что сворачиваю. Я не сворачивал. Я до последнего тащил тебя в свою жизнь и не мог остановиться.

Она слушала, и каждое слово било как пощёчина.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что с тобой у меня не получается врать. Я пробовал. Не выходит. Ты вынимаешь из меня всё, что я годами прятал.

— Красиво. — Люся скрестила руки на груди, чтобы он не видел, как дрожат пальцы. — Опять красиво. Ты не умеешь иначе, да?

— Умею. Могу сказать просто: я устал. От имени, от жизни, от всего. И ты — единственное, что было настоящим. Поэтому я пришёл. Потому что знал, что рано или поздно ты начнёшь копать и найдёшь. И хотел, чтобы ты услышала правду от меня, а не от твоего бывшего.

— Поздно. Я уже услышала от него.

— Он врёт.

— Все вы врёте! — Люся сорвалась на крик. — Ты врёшь, Кирилл врёт, Вера играет в свои игры. Я одна, как дура, пытаюсь понять, где во всём этом правда!

Марк шагнул к ней. Люся отступила.

— Не подходи.

Он остановился.

— Хорошо. Не подхожу. — Он сунул руки в карманы. — Но послушай меня. Кирилл — не тот, кем кажется. Он не просто твой бывший. Он работал на меня.

Люся замерла.

— Что?

— Три года назад. Под другим именем. Я не знал, что он — тот самый Кирилл, про которого ты мне рассказывала. Я узнал это только когда он вернулся. Он не следил за мной из-за тебя. Он пришёл за мной. По старому долгу.

— Ты сейчас пытаешься перевести стрелки.

— Я говорю то, что знаю. — Марк достал телефон, набрал что-то, повернул к ней экран. — Узнаёшь?

На экране был документ — расписка, скан, на ней подпись, которую Люся знала лучше, чем свою. Подпись Кирилла. Того самого Кирилла, который пять лет назад исчез, оставив её с ипотекой и разбитым сердцем.

— Что это? — прошептала она.

— Его долг. Мне. Большой. Он исчез не потому, что ты его бросила. Он сбежал от долга. А теперь вернулся, потому что узнал, что я рядом с тобой. И решил, что через тебя доберётся до меня.

Люся смотрела на экран, не в силах отвести взгляд. Подпись. Его подпись. Та самая, с размашистой петлёй на «К».

— Это подделка, — сказала она.

— Проверь. Как ты умеешь. — Марк убрал телефон. — Я

не прошу тебя верить. Я прошу тебя не верить ему на слово. Ты же журналистка, Люся. Так работай.

Глава 4

Он развернулся и пошёл к лестнице. На полпути остановился.

— И про женщину на фото. Это сестра человека, которому я когда-то помог. Он умер месяц назад. Я был с ней в ресторане, потому что передавал ей документы. Больше ничего.

— Почему я должна верить?

— Не должна. — Он обернулся. — Но ты спросила, зачем я пришёл. Я пришёл, потому что не хочу, чтобы ты осталась с мыслью, что всё было игрой. Не было, Люся. Ни одной секунды.

Он ушёл. Люся закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и медленно сползла на пол. Теперь у неё было два мужчины, два рассказа и ни одной причины верить хоть кому-то из них.

Она просидела на полу, пока не замёрзла. Потом заставила себя встать, умылась ледяной водой и села за ноутбук. Не потому, что поверила Марку. А потому, что не умела иначе. Слова — это слова, а подпись — это подпись. Расписку она проверила за два часа. Скан был настоящий, не смонтированный, с метаданными старого документа. Сумма — такая, что Люся присвистнула. Кирилл взял в долг столько, сколько она зарабатывала за несколько лет. Дата — за полгода до его

исчезновения. Она откинулась на спинку и долго смотрела в потолок. Выходило, что Кирилл бросил её не из-за того, что она его «душила». Он сбежал от долга. А теперь вернулся и рассказывает, что любит её и спасает от афериста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.